

Категории артикля в ономастике: теоретические проблемы

Ольга СКЛЯРЕНКО

Как известно, в фундаментальной грамматике немецкого языка Якова Гримма «*Deutsche Grammatik*» (1819–1837 гг.), которая заложила основы для развития научных представлений о сущности и функциях артиклей, сделана первая попытка дать научное объяснение понятиям определённости и неопределённости как основной категории, выражаемой артиклями. Решение вопроса о сущности категории определённости / неопределённости выступает как одна из важнейших теоретических предпосылок исследования артиклевой системы. Формирование и развитие категорий артикля происходит в разных языках мира типологически схожим образом, подчиняясь общелогическим и общеязыковым закономерностям. Однако выбор и развитие конкретных артиклевых форм в национальном языке происходит по-разному, определяется спецификой и особенностями функционирования этого языка. В каждом языке существует не одна, а несколько грамматических категорий, из которых могут потенциально развиваться протоартикли, которые затем превращаются в артикли, в одну единственную или несколько артиклевых форм.

Лингвисты под давлением реально существующих фактов “пытаются” найти причины употребления артикля в ономастике, но не всегда оценивают по достоинству размеры ономастической сферы. А она огромна. Во французском языке, по мнению О. Лоньона, насчитывается несколько миллионов собственных имен (Longnon 1973: 1). Приняв в качестве основного значения артикля определённость, грамматисты тем самым значительно суживают область исследования. Согласно теории определённости артикль не может сопровождать существительные, уже каким-либо образом определённые. Это относится прежде всего к собственным имена, которые определены по самой своей природе. Поэтому вся сфера ономастики остается вне поля зрения грамматистов. А. Биард в своем артиклевом исследовании на 107 страниц проблеме употребления артиклей с собственными именами уделяет всего 9 страниц и размещает это в приложении (Biard 1908). П. Кристоферсен в своей известной работе об артиклях из 206 страниц посвятил анализу артиклей с онимами только 14 страниц в последней главе (Christophersen 1939). Французский лингвист Г. Гийом в своем объемистом артиклевом исследовании (318 страниц) посвятил этой проблеме чуть более четырех страниц (Guillaume

1919: 269–293). При этом артиклевые онимы никак не объясняются. Их приводят как данность, в виде отдельных списков, обычно без всяких комментариев. В некоторых случаях их существование объясняют либо «традицией» (что фактически ничего не объясняет), либо «иностранным влиянием». Иногда высказывается мысль, что поскольку некоторые собственные имена сочетаются с артиклями, то они – «разновидность нарицательных имен».

Носители болгарского языка придают наличию артикля особую значимость. Они гордятся тем, что в их языке нет категории падежа, но есть категория артикля. Категория артикля в некоторых контекстах может даже иметь социально-психологическое звучание. Приобретение болгарским языком категории артикля представляется для них центральным местом исторической грамматики. Многие лингвисты полагают, что употребление собственного имени с определенным артиклем, а тем более с артиклем неопределенным обязательно сопровождается потерей именем проприального статуса. Ю. С. Маслов, рассматривая употребление артиклей в болгарском языке, пишет: «При превращении собственного имени в нарицательное оно может получить определенный член», приводит как пример антропоним, который, по нашему мнению, деонимизирован лишь частично, и заключает: «чаще, однако, превращение собственного имени в нарицательное сопровождается присоединением неопределенного члена» (Маслов / Maslov 1956: 93). И. И. Ревзин рассматривает собственные имена в балканских языках как «определенные в широком смысле»: «Для имен собственных членные и нечленные формы являются алломорфами внутри класса определенных в широком смысле», «формы собственных имен с членом и без члена выступают либо как факультативные варианты, либо более часто находятся в отношении дополнительного распределения» (Ревзин / Revzin 1977: 212). Ср. критическое замечание Ст. Стоянова Б. Цоневу, который считал, что в «болгарском языке плюральные топонимы получили определенный член под иноязычным влиянием» (Цонев / Tsonev 1985: 473): «Б. Цонев смята, че членуването в този случай се дължи на чуждо влияние, пренесено е от езици, в които имената на някои от същите обекти се употребяват само в множествено число и винаги членувани. Членувани имена обаче като *Родопите*, *Татрите*, *Бакаджиците*, *Резньовете*, *Кривините* и др. показват, че причината за членуването не трябва да се търси само в чуждото влияние» (Стоянов / Stoyanov 1999: 292 – 293).

К вопросам, связанным с историей артикля в древнеболгарской и среднеболгарской письменности, относится и употребление с именами существительными элемента *нжс*. А. Вайан объясняет появление *нжс* в древнеболгарском языке «калькированием с греческих артиклевых образцов, как особенность письменного стиля, а не живой речи. Причина его появления усматривается в стремлении к адекватному переводу (не только по смыслу, но и по стилистическому эффекту) греческих литературных памятников» (Вайан / Vayan 1952: 393–394). «Артикль *нжс*, – считают А. Минчева и Б. Велчева, – нужно отнести к тем старославянским литературным фактам, которые подтверждают мнение, что не надо переоценивать чужие синтаксические

влияния. Оно только способствовало расширению некоторых исконно славянских черт и содействовало их обобщению, а иногда и абсолютизации в качестве переводческой и литературной нормы» (Минчева, Велчева / Mincheva, Velcheva 1968: 157 – 158).

В болгарском языке активность постпозитивного определенного члена существенно возросла в исторически обозримый период. Г. В. Ермоленко, подвергнув статистической обработке членные имена существительные в произведениях болгарских писателей в XVII – XVIII вв., приходит к выводу, что «частота их употребления значительно возрастает по мере приближения к современности» (Ермоленко / Yermolenko 1963: 182). Наблюдается противоречивость в мнениях различных ученых. Р. Г. Пиотровский утверждает, что «артикуль в албанском языке возник на несколько столетий позже, чем в болгарском и румынском» (Пиотровский / Piotrovskiy 1959: 20). По мнению В. Брендаля, «артикуль в скандинавских языках возник под влиянием южногерманских языков; баскский испытал воздействие соседствующих романских; балканские языки и, возможно, некоторые кавказские языки подверглись влиянию греческого; арамейский и южный арабский испытали влияние центральных семитских языков» (Brøndal 1923: 75). Ст. Младенов доказывает «самобытность артикля в болгарском языке» (Mladenov 1929: 248), с чем не согласен А. Граур, объясняющий появление болгарского членных форм «влиянием румынского языка» (Граур / Graur 1963: 34). С. Младенов и С. Василев пишут, что «современный болгарский язык страдает от чрезмерного употребления членных форм» (Младенов, Василев / Mladenov, Vasilev 1939: 244), ср. аналогичное мнение К. Ивановой (Иванова / Ivanova 1974: 95). Л. Андрейчин отмечает, что «... болгарская речь приобретает большую благозвучность и гибкость, если избегать повторения и нагромождения большого количества однообразных членных форм там, где это позволяет смысл» (Андрейчин / Andreychin 1949: 101).

Тезис об обязательном артиклевом сопровождении имен собственных в болгарском языке иногда появляется в лингвистической литературе. Но даже если ограничиться только рассмотрением собственных имен с инкорпорированным, агглютинированным и фиксированным видами артиклей (Скляренко, Скляренко / Sklyarenko, Sklyarenko 2015: 104 – 126; 130 – 145; 149 – 178; 188 – 208), возникают вопросы, на которые приведенный выше тезис не может дать ответ. Однако не всегда прозвищные имена сопровождают определенным членом. Как известно, многие фамилии возникли из первичных прозвищ. Часто в основе прозвищ (из которых позже развились фамилии) лежат слова с указанием на внешние (физические) или внутренние (духовные, моральные и т. п.) особенности именуемых лиц. В терминах ономастической лексикологии такие образования можно охарактеризовать как *антропонимные синекдохы*. Разновидностью антропонимических синекдох выступают антропонимические соматизмы – прозвища, в основе которых лежат слова, называющие отдельные части человеческого тела. Болгарская апеллятивная лексема *кокал* ‘кость’, антропонимически выделившись при

помощи определенного члена, превратилась в антропонимические лексемы – «прозвища *Кокала*, *Кокаля* с обозначением костлявого или худого, тощего человека; соматизм *кокалче* ‘косточка’, разг. ‘лодыжка’ лежит в основе прозвища *Кокалчето*» (Илчев / Пчев 1969: 263). В болгарской антропонимии, например, фамилии, стоящие во множественном числе, оформлены определенным артиклем, а семейные имена *pluralia tantum* имеют общую форму, ср. «тук Ивановците са по-вече от Петровците и Иванови, Георгиеви» (Андрейчин / Andreychin 1949: 105).

Артикль выступает и как маркер «микроантропонимической» принадлежности слова: безартиклевые антропонимы более высокого ономастического уровня (фамильные имена, личные имена), низводимые до положения прозвищ, неофициальных прозваний, приобретают артикль, указывающий на принадлежность сопровождаемого им слова к примарному антропонимическому слою. Ср. болгарские фамилии, перешедшие в прозвища и получившие постпозитивный артикль: Юрталанов > Юрталана; Казаков > Казака (Маслов / Maslov 1956: 93). Специфика структуры индоевропейских языков заключается, в частности, в том, что трансформациям легче всего подвергаются конечные компоненты слов. Иногда «призывают» артикль отдельные окончания онимов. Болгарские личные имена обычно не употребляются с артиклем: *Алеко*, *Анастас*, *Атанас*, *Боян*, *Веселин*, *Гергана*, *Милка*, *Младен*, *Тодор* и др. Однако личные мужские имена, заканчивающиеся на *-а*, принимают постпозитивный артикль: *Савата*, *Перата*, *Томата*. Также членную форму, по свидетельству Ст. Илчева, «в домашней бредне» имеют мужские имена, заканчивающиеся на *-е* (а также на *-и*, *-о*): *Борето*, *Васето*, *Колето*, *Милето*, *Пелето*, *Русето*» (Илчев / Пчев 1969: 19). «Болгарские имена, заимствованные из румынского, как правило, не имеют определенного члена, – отмечает Д. Гамулеску, – однако бывают такие случаи, когда наряду с нечленными формами (*Лунго*, *Баде*) встречаются заимствования, у которых румынскому определенному члену соответствуют суффиксы – *-ул* (*Лунгул*, *Бадул*), *-ол* (*Лунгол*). <...> Болгарские антропонимы румынского происхождения, содержащие суффиксы *-ул*, *-ол*, являются более древними, чем антропонимы без указанных суффиксов. Это является действительным, если только допустить, что болгарские суффиксы *-ул*, *-ол*, во всех случаях представляют собой румынский артикль *-ul*, характерный румынским антропонимам более древнего периода» (Гамулеску / Gamulesku 1975: 334 – 335). «В болгарском языке уменьшительные и ласкательные личные имена мужского рода, образованные при помощи суффиксов *ка*, *ичка*, *ничка*, *е*, *че*, *ле*, часто имеют членную форму, ср. *Васил* – *Васе* – *Васето*, *Васенце* – *Васенцето*; *Борис* – *Боре* – *Борето* – *Борка* – *Борката*; *Никола* – *Коле* – *Колето*; *Иван* – *Ванка* – *Ванката* и др.» (Андрейчин, Попов, Стоянов / Andreïchin, Popov, Stoyanov 1977: 136). Эти артиклевые антропонимы могут быть употреблены в общей форме при наличии перед ними согласуемого в роде и числе определения, по общему правилу «перетягивающего» на себя артикль: «нашето Пете, малкият Васка, Да живее храбрият Странджа!» (Маслов / Maslov 1956: 93).

Членную форму принимают также «уменьшительные и ласкательные личные имена женского рода, образованные при помощи суффиксов *-e, -le, -че*: Ана – Анче – Анчето; Ане – Ането; Дона – Донче – Дончето; Елена – Ленче – Ленчето; Милка – Миле – Милето» (Стоянов / Stoyanov 1999: 290). Стефан Илчев отмечает: «Имената на *e* и някои на *и* редовно приемат член *то* (*Анчето, Йончето, Ленчето, Марето, Мичето, Пенето, Пенчето, Лилито, Стефанито*). Тия членувани форми са неутрални, членът само служи да покаже, че става дума за познати нам лица. Имената на *a* и *я* в редки случаи се членуват с *-та* и тогава изразяват било свойщина, било леко пренебрежение, дори враждебност (*Гената, Мирята, Пената, Сията*)» (Илчев / Pchev 1969: 21). Артиклевые онимы могут изменять свою форму. В румынском языке в прошлом существовала артикулированная форма (*Radului*), замененная теперь аналитической формой (*lui Radu*). «Для личных имен существительных женского рода нормой для настоящего времени является форма с энклитическим артиклем (*Mariei*), но все больше используется аналитическая форма не только для иностранных личных имен, заканчивающейся иной, чем *-a* фонемой (*lui Mimi, lui Cleo, lui Edith*), но и для румынских (*lui Lenuta, lui Maria*)» (Граур / Graur 1963: 127).

В большинстве древних индоевропейских языков – древнегреческом, латыни, старославянском обращение имело специализированное средство выражения, так называемый звательный падеж. Формы, восходящие к праславянскому вокативу, сохранились в чешском, польском, сербском, хорватском, болгарском, македонском, украинском, отчасти белорусском языках, в то время как русский утратил их. Имеются звательные формы в румынском, грузинском и других языках. В болгарском языке звательная форма является остатком древнего звательного падежа. Вокативная форма нашла свое отражение и во взаимоотношениях артиклевой и антропонимической систем. В болгарском языке гипокористические личные имена, обычно имеющие постпозитивный артикль, в вокативе принимают безартиклевую форму, ср. следующие предложения: «Савичката ще пасе магаретата на влашурите – тъй е писано. Савичката се изчервява силно». Но: «Покачи се, Савичка, на върха на дядовата Христова черница и гледай, ако не вярваш. Монката, десетгодишно момче, болно и хилаво сираче, тръгна край дядя си като сянка». Но: «Монка, чедо <...>, хайде, синко!» (БКН / ВКН: 124 – 125).

Данные старобалканской ономастики позволяют отодвинуть хронологическую границу образования постпозитивного балканороманского артикля к XI в. Постпозитивный артикль появился сначала в болгарском и балкано-романских языках (X–XI вв.) и лишь на три века позднее – в албанском языке. Установление сравнительной хронологии постпозиции артикля в балканских языках имеет важное значение при определении происхождения и развития этого феномена в болгарском, албанском и балкано-романских языках. В самом деле, если признать, что в албанском языке постпозитивный артикль появился на три века позднее, чем в болгарском и балкано-романских языках, то следует окончательно отвергнуть теорию субстратного (фракоиллирийского,

т. е. древнеалбанского) происхождения этого явления. Одновременно следует отказаться и от теории прямого заимствования постпозиции артикля из балкано-романских языков болгарским языком или наоборот. На это указывает тот факт, что в этих языках постпозиция артикля появляется примерно в одно и то же время. «Конечно, нельзя отрицать возможности иноязычного влияния, которое может ускорить либо затормозить определенные процессы, происходящие в силу внутренних тенденций, свойственных языку» (Скляренко, Скляренко / Sklyarenko, Sklyarenko 2015: 24). Вспомним слова Р. Якобсона, что «язык воспринимает чужие структурные элементы лишь в том случае, когда они соответствуют тенденции его собственного развития» (Jakobson 1936: 49).

Последующее развитие артиклевой системы языка является зависимым уже от наличия в нем артиклевости, обусловленной прежде всего генетическими причинами. По нашему мнению, система артиклей может быть развита в языке лишь в том случае, если его «генетический код» предрасположен к восприятию этой инновации, если иноязычное влияние служит лишь толчком, импульсом к развитию собственных творческих потенций. В некоторых болгарских топонимах иноязычного генезиса конечный звуковой комплекс переосмысливается. «Топоним *Мазалото* происходит от арабского (через турецкое посредничество) апеллятива *mizalla* ‘навес’, ‘веранда’ во множественном числе, см. эволюцию: *mizalla* + *at* > *mizallat* > *Мазалото*» (Вьгленов / Vaglenov 1962: 406). Конечный звуковой комплекс топонима по аналогии с другими образованиями в синхроническом плане воспринимается как определенный член. В болгарской топонимии артикли принимают многие топонимы тюркского генезиса, ср.: «*Баирът* от тур. *bayir* ‘холм’, ‘возвышенность’; *Гьольт* от тур. *göl* ‘озеро’, ср. также *Мерата* от араб. *mera* ‘пастбище’» (Ковачев / Kovachev 1969: 92, 122, 175). Давление активной артиклевой системы в болгарском языке приводит к тому, что ранее безартиклевые топонимы приобретают членную форму, ср. современные названия населенных пунктов и (в скобках) их прежние формы: «Балабаните (Балабани), Баланите (Балани), Балванците (Балванци)» (Коледаров, Мичев / Koledarov, Michev 1973: 27). «Войниците (Войници)» (Коледаров, Мичев / Koledarov, Michev 1973: 57). «Градът (Градок)» (Коледаров, Мичев / Koledarov, Michev 1973: 77). «Драндарите (Драндари)» (Коледаров, Мичев / Koledarov, Michev 1973: 98). В болгарском языке членную форму нередко имеют топонимы, «образованные от так называемых “коллективных имен” на -ак (-як): *Орешака*, *Тупчака*, *Горуняка*, *Ракитика*, *Клепака*, *Орничака*, *Липака*, *Лещака* и др». (Иванов / Ivanov 1957: 86). Приобретают членную форму и некоторые ранее безартиклевые гидронимы. «Так, гидроним *Етър* со временем превратился в *Етъра*» (Младенов / Mladenov 1968: 436). В румынском языке многочисленные топонимы славянского происхождения также имеют определенный постпозитивный артикль, ср. «рум. *Bratul* от ‘брат’, *Pojaretul*, *Pojarul* от ‘пожар’» (Jordan 1963: 242); ср. еще: «*Bucova*, *Bucovul* от ‘бук’, *Cleanovul* от ‘клен’, *Lipova*, *Lipovul* от ‘липа’» (Jordan 1957: 343, 346).

В итоге делаем следующий вывод: в процессе своего становления артикли разорвали первичную функциональную ограниченность как средство выражения определенности / неопределенности (и ряда других функций, которые они выполняли в апеллятивной сфере лексики) и перешли в ономастическую сферу лексики с новым функциональным назначением – ономизирующей функцией: артикли начинают способствовать апеллятивным лексемам трансформироваться в проприальные лексемы. Дальнейшая эволюция артиклей происходит уже в пределах иной лингвистической среды – ономастической. Возникает новая категория артиклей – ономастические артикли, которые живут иной жизнью, отличной от существования и функционирования апеллятивных артиклей. Поэтому не только не нужно, но и вредно с научной точки зрения оглядываться на употребление артиклей в нарицательной среде и экстраполировать полученные там выводы на иную артиклевую категорию.

На наш взгляд, *ономастическая семасиология* как часть ономастики о значении онимов должна непременно включать и артиклевый раздел. Артикль стремится проникнуть в ономастическую среду, несмотря на возникающие препятствия. Однако нельзя не подчеркнуть, что триумфальное шествие артикля в лексической среде, его экспансионистские устремления, в том числе и в сферу ономастики, не являются бесконечными. В языке действуют могучие скрытые силы, которые не подвластны внешней логике и не подлежат нашему контролю. Мы можем только констатировать результаты действия этих внутренних сил, проявляющихся в языковых трансформациях. Не исключено, что артикль, продолжая оставаться на пике своего употребления в том или ином языке, может иметь тенденции к своему угасанию, по крайней мере, в некоторых своих категориях и разрядах. Развитие языка отнюдь не обозначает повсеместный прогресс всех его категорий. Относительно молодая артиклевая категория очень уязвима в этом отношении, особенно в употреблении в ономастической сфере. Таким образом, объяснение важного процесса, как проникновение артикля в сферу собственных имен, а тем более возникновение грамматической категории артикля в языке только влиянием иноязычных моделей, представляется недостаточным.

В заключение выскажем предположение, что ономастика как специфическая лексическая сфера явилась тем средством, тем «мостиком», пользуясь которым артикль, как специфическая языковая категория, переходит в ряде случаев от одного языка к другому. Так это или не так можно проверить только на значительном массиве конкретных фактов. Только значительный объем реальных языковых данных может подтвердить или опровергнуть нашу гипотезу.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Biard 1908: Biard, A. *L'article "the" et les caractéristique s différentielles de son employ*. Bordeaux: Imprimerie G. Gounouilhou.

Brøndal 1923: Brøndal, V. *Den bestemte Artikels Oprindelse og Brug*. In *Danske Studier; Udgivne af G. Knudsen og M. Kristensen for universitetsjublæets Danske Samfund*. København: Gyldendalske Boyhangel Nordisk Forlag.

Christophersen 1939: Christophersen, P. *The Articles. A Study of their Theory and Use in English*. Denmark: Einar Munksgaard København.

Guillaume 1919: Guillaume, G. *Le problème de l'article et sa solution dans la langue française*. Paris: Librairie Orientale et Américaine.

Iordan 1957: Iordan, I. Toponimice romînesti în -ov(a), -av(a). – *Езиковедски изследования в чест на академик Стефан Младенов. Studia Linguistica in Honorem acad. Stephani Mladenov*. София: Издание на БАН, 341 – 349. [Iordan 1957: Iordan, I. Toponimice romînesti în -ov(a), -av(a). – *Ezikovedski izsledovaniya v chest na akademik Stefan Mladenov. Studia Linguistica in Honorem acad. Stephani Mladenov*. Sofiya: Izdanie na BAN, 341 – 349.].

Iordan 1963: Iordan, I. *Toponimia romînească*. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Poulare Romîne.

Jakobson 1936 : Jakobson, R. Sur la théorie des affinités phonologiques des langues. – *Actes du Quatrième Congrès International de Linguistes. Nenu à Copenhague du 27 août au 1er septembre 1936*. Copenhague: Kraus Reprint Nendeln / Liechtenstein, 48 – 59.

Longnon 1973: Longnon, Au. *Les noms de lieu de la France*. New York: Burt Franklin.

Mladenov 1929: Mladenov, St. *Geschichte der bulgarischen Sprache*. – «Grundriß der slavischen Philologie und Kulturgeschichte». Berlin und Leipzig: Waler de Gruyter & Co.

Андрейчин 1949: Андрейчин, Л. *Граматика болгарского языка*. М.: Иностр. лит. [Andreychin 1949: Andreychin, L. *Grammatika bolgarskogo yazyka*. М.: Inostr. lit.].

Андрейчин, Попов, Стоянов 1977: Андрейчин, Л., Попов, К., Стоянов, С. *Граматика на българския език*. София: Наука и изкуство. [Andreïchin, Popov, Stoyanov 1977: Andreïchin L., Popov K., Stoyanov S. *Gramatika na balgarskiya ezik*, Sofiya: Nauka i izkustvo.].

БКН = *Граматика на съвременния български книжовен език. В три тома. Том II. Морфология*. София: Издателство на българската академия на науките, 1983-. [BKN = *Gramatika na savremenniya balgarski knizhoven ezik. V tri toma. Tom II. Morfologiya*. Sofiya: Izdatelstvo na balgarskata akademiya na naukite, 1983-.].

Вайан 1952: Вайан, А. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Изд-во иностр. лит. [Vayan 1952: Vayan, A. *Rukovodstvo po staroslavlyanskomu yazyku*. М.: Izd-vo inostr. lit.].

Въгленов 1962: Въгленов, М. Имената на пет старопланински върха. – *Български език. Орган на института за български език при българската академия на науките*, 5 (1962), 404 – 412. [Vaglenov 1962: Vaglenov, M. Imenata na pet staroplaninski varkha. – *Balgarski ezik. Organ na instituta za balgarski ezik pri balgarskata akademiya na naukite*, 5 (1962), 404 – 412.].

Гамулеску 1975: Гамулеску, Д. О румыно-болгарской антропонимической интерференции. – *Актове на XI Международен конгрес по ономастика (София, 28. VI. – 4. VII. 1972). Т. I*. София: Издателство на българската Академия на Науките, 331 – 336. [Gamulesku 1975: Gamulesku, D. O rумыно-bolgarskoï antroponimicheskoï interferentsii. – *Aktove na XI Mezhdunaroden kongres po onomastika (Softiya, 28. VI. – 4. VII. 1972). Т. I*. Sofiya: Izdatelstvo na balgarskata Akademiya na Naukite, 331 – 336.].

Граур 1963: Граур, А. *Румынский язык. Исторический очерк*. Бухарест: Меридиане. [Graur 1963: Graur, A. *Rumynskiy yazyk. Istoricheskiy ocherk*. Bukharest: Meridiane.].

Ермоленко 1963: Ермоленко, Г. В. Грамматическая категория определенности имени в современном болгарском языке. – *Филологический сборник (статьи аспирантов и соискателей)*. Алма-Ата. Вып. 1 (1963), 178 – 185. [Yermolenko 1963: Yermolenko, G. V. Grammaticheskaya kategoriya opredelennosti imeni v sovremennom bolgarskom yazyke. – *Filologicheskiiy sbornik (stat'i aspirantov i soiskateley)*. Alma-Ata. Vyp. 1 (1963), 178 – 185.].

Иванов 1957: Иванов, Г. Коллективните имена в български език. – *Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов. Studia Linguistica in Honorem acad. Stephani Mladenov*. София: Издание на БАН, 85 – 91. [Ivanov 1957: Ivanov, G. Kolektivnite imena v balgarski ezik. – *Ezikovedski izsledovaniya v chest na akademik Stefan Mladenov. Studia Linguistica in Honorem acad. Stephani Mladenov*. Sofiya: Izdanie na BAN, 85 – 91.].

Иванова 1974: Иванова, К. Въпроси около употребата на члена в езика на нашите вестници. – В: Андрейчин, А. (съст.): *Проблеми на българската книжовна реч*. София: Наука и изкуство, 91 – 104. [Ivanova 1974: Ivanova, K. Vaprosi okolo upotrebata na chlena v ezika na nashite vestnitsi. – V: Andreiĉhin, A. (sast.): *Problemi na balgarskata knizhovna rech*. Sofiya: Nauka i izkustvo, 91 – 104.].

Илчев 1969: Илчев, Ст. *Речник на личните и фамилни имена у българите*. София: Издателство на Българската академия на науките. [Ilchev 1969: Ilchev, St. *Rechnik na lichnite i familni imena u balgarite*. Sofiya: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite.].

Ковачев 1969: Ковачев, Н. П. *Топонимията на Троянско*. София: Издателство на Българската академия на науките. [Kovachev 1969: Kovachev, N. P. *Toponimiyata na Troyansko*. Sofiya: Izdatelstvo na Balgarskata akademiya na naukite.].

Коледаров, Мичев 1973: Коледаров, П., Мичев, Н. *Промените в имената и статута на селищата в България (1878–1972)*. София: Наука и изкуство. [Koledarov, Michev 1973: Koledarov, P., Michev, N. *Promenite v imenata i statuta na selishtata v Balgariya (1878–1972)*. Sofiya: Nauka i izkustvo.].

Маслов 1956: Маслов, Ю. С. *Очерк болгарской грамматики*. М.: Изд-во лит. на ин. языках. [Maslov 1956: Maslov, Yu. S. *Ocherk bolgarskoy grammatiki*. M.: Izd-vo lit. na in. yazykakh.].

Минчева, Велчева 1968: Минчева, А., Велчева, Б. Анафорическое употребление древнеболгарского местоимения *нже* в конструкциях с существительными (к вопросу о греческом влиянии на древнеболгарский синтаксис). – *Actes du premier congres international des etudes balkaniques et sud-est europeennes. VI* (1968), Sofia, 149 – 160. [Mincheva, Velcheva 1968: Mincheva, A., Velcheva, B. Anaforicheskoye upotrebleniye drevnebolgarskogo mestoimeniya *nzhê* v konstruktsiyakh s sushchestvitel'nymi (k voprosu o grecheskom vliyaniy na drevnebolgarskiy sintaksis). – *Actes du premier congres international des etudes balkaniques et sud-est europeennes. VI* (1968), Sofia, 149 – 160.].

Младенов, Василев 1939: Младенов, Ст., Василев, Ст. *Грамматика на българския език*. София: Казанлъшка долина. [Mladenov, Vasilev 1939: Mladenov, St., Vasilev, St. *Gramatika na balgarskiya ezik*. Sofiya: Kazanlashka dolina.].

Младенов 1968: Младенов, М. С. Названията Янтра и Етър. – *Български език. Орган на института за български език при българската академия на науките*, 4 – 5 (1968), 436 – 437. [Mladenov 1968: Mladenov, M. S. Nazvaniyata Yantra i Etar. – *Balgarski ezik. Organ na instituta za balgarski ezik pri balgarskata akademiya na naukite*, 4 – 5 (1968), 436 – 437.].

Пиотровский 1959: Пиотровский, Р. Г. О сравнительной хронологии постпозиции определенного артикля в так называемых балканских языках. – *Вопросы славянского языкознания. Вып. 4. Славяно-романские языковые отношения. Проблемы истории праславянского языка*. М.: Изд-во АН СССР, 8 – 20. [Piotrovskiy 1959: Piotrovskiy, R. G. O sravnitel'noy khronologii postpozitsii opredelennogo artiklya v tak nazyvayemykh balkanskikh yazykakh. – *Voprosy slavyanskogo yazykoznaneya. Вып. 4. Slavyano-romanskiye yazykovyye otnosheniya. Problemy istorii praslavyanskogo yazyka*. М.: Izd-vo AN SSSR, 8 – 20.].

Ревзин 1977: Ревзин, И. И. Вопросы структурно-типологического подхода к категории определенности в балканских языках. – *Балканский лингвистический сборник*. М.: Наука, 208 – 219. [Revzin 1977: Revzin, I. I. Voprosy strukturno-tipologicheskogo podkhoda k kategorii opredelennosti v balkanskikh yazykakh. – *Balkanskiy lingvisticheskiy sbornik*. М.: Nauka, 208 – 219.].

Скляренко, Скляренко 2015: Скляренко, Алексей М., Скляренко, Ольга Н. *Типологическая ономастика: в 5 кн. Кн. 3: Артикли в сфере ономастики: в 2 ч. Ч. 1: Теория ономастических артиклей*. Одесса: Астропринт. [Sklyarenko, Sklyarenko 2015: Sklyarenko Aleksey M., Sklyarenko Ol'ga N. *Tipologicheskaya onomastika: v 5 kn. Kn. 3: Artikli v sfere onomastiki: v 2 ch. Ch. 1: Teoriya onomasticheskikh artikley*. Odessa: Astroprint.].

Стоянов 1999: Стоянов, Ст. *Грамматика на българския книжовен език. Фонетика и морфология*. Велико Търново: «Абагар». [Stoyanov 1999: Stoyanov, St. *Gramatika na balgarskiya knizhoven ezik. Fonetika i morfologiya*. Veliko Tarnovo: «Abagar».].

Цонев 1985: Цонев, Б. *История на българския език. Том трети и последен. Специални части (посмъртно издание под ред. на проф. Ст. Младенов)*. София: Наука и изкуство. [Tsonev 1985: Tsonev, B. *Istoriya na balgarskiya ezik. Tom tretii i posleden. Spetsialni chasti (posmartno izdanie pod red. na prof. St. Mladenov)*. Sofiya: Nauka i izkustvo.].

Article Categories in Onomastics: Theoretical Problems

Olga Sklyarenko

Abstract: The existing ideas of grammarians about the role of the article categories in the sphere of proper names are analyzed in this paper. Such an analysis involuntarily leads to a paradoxical conclusion: many authors of scientific works are often misleading, misinforming about one or another aspect of linguistic reality. At the same time, the study of other components of the language, perhaps no less significant, is ignored and pushed aside. A functional consideration of an article is an analysis of its meaning, and not only an analysis of its structure or the presence of phonetic variants. This approach to linguistic reality manifests itself especially clearly when considering the functioning of the article in the onomastic sphere. The semantic content of the article, like any other word in the language, is complex

and multi-component. The article category, which is present in a number of natural languages of the world, has become isolated as a specific part of speech (e.g. *free-standing prepositive articles*). If in lexicological terms the article is a lexeme, then in semasiological terms it is a semanteme. Each word of the language, including the article, is a special word. There are huge potentialities in the nature of every word, including articles.

Keywords: onomastics, proper name, prepositive article

Assist. Prof. Olga N. Sklyarenko, PhD

Faculty of Romance and Germanic Philology

Odessa I. I. Mechnikov National University

Odessa, Ukraine

e-mail: asklyarenko@yahoo.com